

МЫСЛИ И ИДЕИ

Валерий Чалидзе

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Почти 15 лет участники советского правозащитного движения занимаются именно политическим просвещением народов СССР: и посредством сообщения неподцензурной информации, и посредством демонстрации личного примера осуществления своих неотъемлемых прав и борьбы за права других.

Изменили ли мы СССР? Нет, конечно. И в то же время — да. Мы и мечтать не могли, начиная, о таких изменениях в обществе, мы просто "не могли молчать", а в результате движение стало важным политическим фактором в развитии СССР.

Мы показали людям, что можно пользоваться своими правами не спрашивая начальство. Мы показали, что можно говорить и писать что хочешь, — за это многие из нас попали в тюрьму, но люди стали говорить свободнее, и даже за факт публикации за границей уже не преследуют — могли ли мы предсказать это 15 лет назад? А разве не изменение, что люди открыто заявляют о своих симпатиях к религии, о своих религиозных нуждах?

Не менее важно, что люди начали говорить о национальных проблемах и национальных правах. Мало замечено, но необычайно важно, что зашла речь даже о создании свободных рабочих профсоюзов, о возможности рабочего движения — до этого, наверно, еще далеко, но разговор об этом — начало этого. И разве не поразительно, что после полувекового контроля над всей ассоциативной активностью людей с легкостью образуются комитеты, группы и иные ассоциации. Их преследуют за их активность, но (и это важно!) не за факт создания ассоциации — власти фактически признали право на это. А ведь в общественном и политическом развитии право на ассоциации — важнейшее. А замечена ли попытка выдвижения неофициального кандидата на выборах? Результата никакого, но сам факт заслуживает внимания.

И я мог бы перечислять еще долго: многое с риском и страданиями сделано участниками движения, многое показано людям и со многим уже пришлось смириться властям. Конечно, власти борются и с движением, и с его влиянием. Конечно, людей арестовывают и будут арестовывать. Но начавшийся процесс уже не остановишь.

Тот факт, что теперь в деятельности движения наблюдается затишье, не есть свидетельство краха. Это лишь напоминание о том, что надо быть терпеливыми; о том, что борьба за пресечение СССР рассчитана на долгий срок.

Во многом благодаря достижениям правозащитного движения эмиграция из СССР перестала быть чем-то страшным и антисоветским в представлении советских людей. А если так, если люди видят эмигрирующих, то и Запад приблизился, стал не таким страшным и далеким. При этом соотечественники в эмиграции тоже приблизились.

Это замечательно увеличивает наши возможности содействовать политическому просвещению народов СССР из-за границы.

Следует признать, что деятельность многих эмигрантских публицистов, в основном из числа бывших участников правозащитного движения, необычайно полезна для такого просвещения. Следует также признать важность того, что общественные и государственные организации на Западе содействуют тому, чтобы люди в СССР слышали и голоса своих соотечественников из-за границы: я имею в виду общественное финансирование издательств на русском языке, государственные радиовещательные программы и т.п.

Признание важности того, что уже делается, не останавливает меня перед тем, чтобы выступить с критикой, касающейся отдельных направлений в политическом просвещении и отдельных установок в организации практической помощи такому просвещению. Я уже выступал с критикой тенденций эмигрантской публицистики, связанной с пропагандой антизападных антидемократических национал-теократических идей и с идеализацией деятельности и идеологии Власовской армии, организованной немцами из советских военнопленных для участия в войне на стороне Германии. *

* "Континент", № 23.

В то же время другие правозащитники выступали с критикой деятельности американских радиостанций. * Считаю себя в целом солидарным со многими претензиями к практической организации радиопропаганды, отмечу, что основной вопрос — это вопрос квалификации. Во-первых, квалификации работы вообще — подбора культурных, осведомленных, профессиональных кадров и контроля их работы (при существующих затратах качество кадров могло бы быть существенно выше). Во-вторых, это вопрос о квалифицированном выборе направлений политического просвещения. У меня создалось впечатление, что, например, у американского руководства нет четкого мнения в каком смысле оно хочет политически просвещать советский народ: ведь если государство платит миллионы за пропаганду — это не просто содействие упражнениям эмигрантов в свободе слова. Это политически направленные расходы государства, и чудовищно, если эти деньги будут расходоваться на пропаганду чего-то, резко противоречащего идеалам американской конституции, например, на пропаганду расизма, фашизма, теократии, монархии и т.д.

Если это происходит (а это происходит в известной мере), то, я думаю, не потому, что ведающие этим американцы хотят специально расходовать деньги на пропаганду таких идей, а потому, что они не разбираются в специфике той публицистики, пропаганде которой на СССР они содействуют. Исправить это можно только в том случае, если те, кто финансирует пропаганду, будут консультироваться со сведущими людьми: американскими учеными, изучающими СССР, и представителями культурной эмиграции из СССР, недавно выехавшими на Запад и знающими теперешнюю ситуацию в СССР.

Внутренние противоречия в СССР

Страна полна острейших противоречий. Их так много, что иногда кажется, что так и задумано — чтобы одно противоречие затмевало другое.** Но если все эти противоречия о себе загово-

* См., например, доклад Л. Алексеевой, „Russia” No. 2.

** Вот лишь некоторые иллюстрации противоречий: между нациями республик и национальными меньшинствами; между имперскими заботами по поддержке других стран и недостаточной заботе о своей; между

рят, власть не сможет ограничиться обещаниями и репрессиями, как теперь, ибо весь народ втянут в этот клубок разнообразных противоречий. И тогда власти придется заняться расхлебыванием этих противоречий, придется заняться совершенствованием внутреннего порядка, устройством экономических и социальных отношений. И тогда все имперские мечты на время померкнут по сравнению с важностью внутренних проблем.*

Могут, однако, предостеречь, что власти не станут возиться с устройством социальных отношений, а применят массовые репрессии. Я думаю, что этого не случится. Страной правит слой профессионалов, заинтересованный в стабильности и величии империи. Любая вспышка недовольства может быть подавлена силой — о морали правителей вспоминать не приходится. Но нарастающая социальная напряженность во всей стране, обострение многих противоречий заставит этих профессионалов реагировать так, чтобы не ставить под угрозу стабильность своего положения, стабильность империи. Это вынудит их к социальным преобразованиям, и эти преобразования должны будут быть частичным, постепенным переходом к более демократическому правлению. Власть готова к таким преобразованиям, если они не затронут стабильности, а, будучи постепенными, они и не затронут.

У власть имущих нет идеологического неприятия демократических форм — для них это только вопрос максимального обеспечения стабильности. Эти формы приемлемы в той мере, в какой они не отстраняют ныне правящих от власти, и это единственная возможность для эволюции: в конце концов, кому же еще править страной, если не этому слою — в стране нет другого,

---

фразеологией, обещаниями и действительностью; бытовое обеспечение в столицах, городах и деревнях; рабочие — руководители; интеллигенция — бюрократия; привилегированные классы — население; партийная и государственная бюрократия; требование свободы творчества — ограничение свободы; накопление денег — отсутствие товаров; богатство страны — нищета снабжения и обслуживания; обслуживающий персонал — население; диспропорции заработной платы; качество западных и отечественных товаров; положение западных рабочих и российских.

* Еще полвека назад этого нельзя было бы сказать: развязывание войны вплоть до мировой, было удобнейшим методом отвлечения от внутренних противоречий. Ситуация в корне иная теперь, когда настоящая война может привести к взаимному уничтожению противников.

способного управлять: критиковать умеют все, а управлять — нужны профессионалы. И именно постепенное нарастание внутренней напряженности приведет к таким постепенным изменениям, при которых эти профессионалы останутся на местах и будут править по-иному. (Не забудем и то, что этот слой меняется с годами. Постепенное развитие демократических институтов изменит и его.)

Правящий слой СССР давно отошел от действительного приятия коммунизма. Они используют лишь коммунистическую фразеологию, удобную и для обмана народа и для возбуждения терроризма в слаборазвитых странах. Этот слой исключительно прагматичен, лишен иллюзий. Они правят поработанными народами, у них нет цели дать кому-то свободу, пока этой свободы народ не требует. Но они готовы делать разумные шаги отступления в сторону большей свободы народа, как это уже показала практика (борьба и острая критика привели, например, власти к разрешению эмиграции во многих случаях, к терпимости по поводу неофициальных публикаций советских авторов за границей. Менее известный факт: постановление о выдаче паспортов колхозникам наравне с другими гражданами после критики десятилетиями существовавшей дискриминации).

15 лет назад мое утверждение казалось бы наивным и слишком смелым, но теперь оно основано на практике:

Политическое просвещение советского народа должно привести к постепенному, очень медленному перерождению советского деспотического режима в сторону его демократизации. Такое просвещение должно заострить существующие внутренние противоречия и заставить власти заняться методическим и разумным устройством социальных отношений и отвлечь их от необузданных имперских стремлений. В этом смысле нации СССР, осознавшие остроту внутренних противоречий, являются союзником свободного мира в смысле сдерживания советской деспотической экспансии.

Политически активные слои советского общества

К таким слоям я отношу бюрократию, часть интеллигенции и, потенциально, рабочих. О политическом потенциале нерусских наций я говорю особо. Чем больше политическая активность

сложения в СССР, тем более он проверен властями и тем менее он доступен просвещению. Но это не значит, что не доступен вообще.

Бюрократия

Бюрократия в массе, конечно, наиболее трудна для ее просвещения в смысле желаемого политического сдвига. Большинство эмиграции ничего не знает об этом слое кроме того, что он заслужил их ненависть. Однако, надо помнить, что этот слой состоит из умных и волевых людей, обладающих большим политическим потенциалом.

Это — современное российское дворянство — не будем забывать, кто в свое время первым оказался восприимчивым к идеям свободы в России. Они не меньше нас (по-своему) болеют за свою страну, они думают, они пытаются быть иногда порядочными, они исполняют или саботируют решения правительства и они знают больше нас о том, как плохо в СССР. При этом, повторяю, они — профессионалы: они управляют великой империей и строят эту империю. И все великие и устрашающие достижения СССР — результат их руководства. И решать, что делать с зашевелившимся народом, будут тоже они.

Люди этого слоя часто достаточно критичны, циничны и жадны до просвещения. Для них слушать западные радиопередачи — занятие более регулярное, чем для среднего советского человека. Многим из них официально доступны зарубежные издания на русском языке, остальные имеют больше возможностей достать такие издания, чем средний житель. Ведь именно люди этого слоя чаще бывают за границей. Будучи часто душителями культуры по должности, эти люди хотят считать себя интеллигентами и стремятся быть на уровне современной культуры.

Эти люди гораздо более информированы и именно поэтому квалифицированный анализ общественных явлений найдет в них больший отклик, чем в среднем жителе. По отзывам людей хорошо знакомых с этим слоем, я заключаю, что они стремятся читать и иметь лучшие книги на русском языке, изданные за границей. Бессмысленно надеяться на немедленный эффект просвещения этого слоя, но долговременные результаты для меня несомненны. Конечно, этому слою не нужна пропагандистская жвачка вроде критики коммунизма. Им нужны и полезны серьезные книги с анализом современных общественных те-

рий, с анализом экономического положения в СССР, исследования по истории и социологии СССР и общественным достижениям СССР. Им нужны и полезны книги высокого уровня об альтернативных путях развития общества, книги по философии, мировой политике. До сих пор большинство издаваемых за границей русских книг написаны авторами из СССР или эмигрантами. Такие книги важны, ибо показывают людям в СССР развитие мысли соотечественников. Однако, для просвещения необходимо распространять в СССР больше переводных наиболее ценных западных книг.

Важно помнить, что люди этого слоя — сами пропагандисты: ясно, что они будут чувствительны к неудачным пропагандистским приемам недостаточно серьезных авторов.

Интеллигенция

Следует различать, по крайней мере, две части этого слоя. Политически активной частью являются те интеллигенты, которые вовлечены пусть не в политический процесс, но каким-то образом в процесс принятия решения в области науки, образования, культуры, производства, экономики. Ценность деятельности этой части интеллигенции для просвещения СССР трудно переоценить. Внешне ее представители, казалось бы, спокойно занимают свои невысокие и политически не важные посты. Но при этом издавна идет непрерывная борьба их за культуру, борьба и с запуганными коллегами, и с более консервативной партийной бюрократией. Это та часть интеллигенции, которая в полной преемственности с предыдущими поколениями интеллигенции создает и поддерживает русскую культуру и культуру других народов. Как бы эмиграция ни кичилась громкими именами и неподцензурностью своего творчества, культура страны создается именно упомянутым слоем, а не эмиграцией, несмотря на необходимость подчас употреблять удобную властям фразеологию.

Власти относятся к этому слою настороженно, но часть этого слоя находится в привилегированных условиях в смысле доверия властей, а следовательно обладает большим политическим потенциалом — это научно-техническая интеллигенция, также достаточно жадная до познаний в общественной области — не забудем, что очень многие активные и серьезные участники правозащитного движения вышли из этого слоя.

Интересы этого слоя в смысле литературы с Запада — те же, что перечислены выше касательно бюрократии. Интеллигенты не менее чувствительны к примитивной политической пропаганде: это люди самостоятельного мышления, им нужна информация о достижениях культуры, а не жвачка.

Есть другая часть интеллигенции: люди, которые далеки от политической активности, и по характеру своему обладают минимальным политическим потенциалом. Это люди, почитающие за предательство культуры любой политической интерес. Это также люди, увлеченные религиозными исканиями. Существование этого слоя само по себе ценно не только в смысле культурном, но и в смысле политическом: они своим существованием нарушают желанную для властей картину всеобщей консолидации. Но надеяться на какую-либо политическую активизацию их — бессмысленно, хотя они с охотой читают многие зарубежные книги и слушают западные радиопередачи.

Рабочие

Этот слой, несомненно, имеет большие потенциальные возможности в смысле влияния на внутреннюю политику властей. Хотя основная масса рабочих не имеет никакого опыта в коллективной защите своих прав, следует помнить, что в начале века русские рабочие (в то время, пожалуй, менее культурные) смогли быстро приобрести опыт борьбы за права: профсоюзное движение в России было серьезной силой до того, как большевики подавили свободные профсоюзы. Польские события могут также породить надежды на выступления советских рабочих в СССР, однако нужно помнить, что уровень политической культуры польского народа существенно выше, чем советского после полувека деспотического режима.

Показательны недавние попытки Клебанова и других организовать свободный профсоюз в СССР — я уверен, что такие попытки будут продолжаться, и я надеюсь, что инакомыслящая интеллигенция отнесется к таким попыткам с большим пониманием, чем это было в случае Клебанова.

Просвещение с Запада труднее достигает рабочих, чем интеллигенцию, но следует помнить, что многие рабочие слушают западные радиопередачи.

Несомненно, серьезное религиозное просвещение полезно в общем смысле для всего населения. Даже бюрократия, далекая от религиозных симпатий, с интересом читает серьезные религиозно-философские книги. В последнее однако время оказывается повышенное внимание распространению именно религиозной литературы. Активность эмиграции в распространении религиозной литературы может служить примером для тех, кто распространяет литературу в других областях. Только за 1980 год парижская группа переправила в Россию 40.000 книг — число очень большое. Политического значения религиозное просвещение не имеет почти никакого, за исключением, пожалуй, Прибалтики и мусульманских областей, где религия остается символом национальной солидарности (и то только Литва может идти в сравнение с Польшей в этом смысле).

Надежды некоторых эмигрантов на то, что православие в России может стать политическим знаменем или солидаризирующим фактором, не основаны на знании духа православия, состоянии православной церкви и ситуации в России.

Православная традиция в России — прервана, и тот факт, что часть далекой от политики интеллигенции и крестьянство сколько-то религиозны, не имеет никакого политического значения.

Особое внимание полезно уделять группам сектантов — их деятельность в России показывает населению пример независимости и солидарности.

Надежды на установление в России теократического строя с православной идеологией нереальны не только потому, что православие политически нейтрально по духу своему, но и потому, что правящий слой никогда не примет эту идеологию. Этот слой достаточно силен, чтобы не потерять власть в России, но недостаточно силен, я полагаю, чтобы под напором обстоятельств, действуя прагматически, преобразиться постепенно в структуру более демократическую.

Нерусские нации

В стране с накаленными национальными противоречиями просвещение наций об их правах, об их возможностях — многообещающе. К сожалению, в этой области также делается немно-

го. Многие нерусские нации исторически не менее (а иногда и более) культурны, чем русский народ и вполне открыты просвещению. Литература, способствующая осознанию ими своей национальной гордости и своих прав, будет принята ими с благодарностью. Причем, часто приемлемо, если это будут книги на русском языке.

З а к л ю ч е н и е

В этом меморандуме я писал о том, в чем я уверен и что я знаю. Хотя рекомендации мои совпадают с моей собственной издательской политикой, следует помнить, что именно мои убеждения определяют эту политику, а не наоборот.

Я также исходил из того, что если кто-то вкладывает деньги именно в политическое просвещение, эти деньги должны служить своей цели, а не просто доставлять кому-то интеллектуальное или эстетическое удовлетворение. Эти деньги не должны служить целям, противным идеалам демократии.